
ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

№ 1.

Я Н В А Р Ъ . 1821.

I. ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

~~~~~  
П Р О З А :  
~~~~~

М а з е п а (*).

(Изъ соч. Лорда Байрона.)

„Занимавшій тогда сіе мѣсто былъ одинъ Польскій шляхичь, по имени Мазепа, родомъ изъ воеводства Подольскаго; онъ служилъ пажемъ при дворѣ Яна Казимира, и тамъ получилъ нѣкошорое понятіе объ изящной словесности.

„Когда непозволённая связь, копорую имѣлъ онъ въ молодыхъ лѣтахъ съ женою одного шляхича, сдѣлалась извѣстною; по раздраженный мужъ велѣлъ, раздѣвши его до нага, привязать къ дикой лошади и пустишь въ поле. Конь поскакалъ въ Украйну, къ мѣсту своего рожденія, и причмалъ шуда Мазену, полумертваго, изне-

(*) Съ немногими пропусками. Рдръ.

№ 1.

А 2

могшаго ошъ успалосши и голода. Тамоннiе жищели оказали ему помощь ; долго находясь между ними , онъ опличился во многихъ сшибкахъ съ Татарами. Превосходство въ свѣдѣнiяхъ доставило ему опличное уваженiе между Козаками ; молва объ немъ со дня на день распроспранялась болѣе , и Царь сдѣлалъ его верховнымъ начальникомъ Украйны.“ *Voltaire* , *Hist. de Charles XII.*

„Подъ Королемъ , бѣгущимъ и преслѣдуемымъ , убиша лошадь ; Полковникъ Геша , израненный и весь испекшій кровiю , далъ ему свою . Такимъ образомъ во время бѣгства два раза сажали на лошадь сего завоевашеля , кошорой не могъ вѣздитъ верхомъ во время сраженiя.“ *Id. ibid.*

„Король поѣхалъ другою дорогою , сопровождаемый нѣкоторыми всадниками . Тамъ изломалась его кареша , и онъ долженъ былъ пересѣсть на лошадь . Къ довершенiю несчастiя , въ лѣсу онъ сбился съ дороги ; шутъ мужество не могло уже болѣе замѣнить испощенныхъ силъ его , болѣе раны сдѣлалась несносною ошъ безпокойства , лошадь упала подъ нимъ ошъ успалосши , и Король нѣсколько часовъ пролежалъ подъ деревомъ , находясь въ непрерывной опасосши попасшья въ руки по-

бѣдшелей, копорые вездѣ его искали.“
Id. ibid.

I.

Тамъ, на равнинахъ Полшавы, оставленный счастиемъ, Король Шведскій узрѣлъ поражение своего войска и видѣлъ, какъ храбрѣйшіе изъ ратниковъ окрестъ его падали подъ мечемъ непріяшельскимъ. Могущество и слава, даруемая войною — столь же непостоянныя какъ и люди, копорые ищущъ ихъ — перешли на сторону Царя побѣдоноснаго, и стѣны Москвы избавились отъ опасности.

Настанетъ день, еще ужаснѣйшій и болѣе достопамятныи, когда пылающія башни сего престольнаго града освѣщаютъ спыдъ и поражение врага, болѣе славнаго и болѣе спрашнаго (*); онъ будетъ свидѣтелями совершеннаго низложенія, когда роковые перуны грянутъ въ завоевателя и въ изумленныхъ его воиновъ.

II.

Такова судьба сраженій! Узвденный, покрытый кровію собственною и кровію храбрыхъ, коихъ тысячи обрелися охранять своего Короля въ бѣгствѣ, преслѣ-

(*) Разумѣется Наполеона; но одинъ другаго стѣннѣ. *Рдрв.*

дуемый Карлъ лепитъ черезъ поля и рѣки. Ни одинъ изъ окружающихъ не дерзаетъ произнести укоризненного слова предъ честолюбіемъ и униженною гордыней, не дерзаетъ даже и въ то время, когда истина могла бы свободно говорить предъ властію.

Конь убитъ подъ Карломъ : Гіепа опадаетъ ему своего и идетъ умираетъ въ плѣну у Рускихъ. Новый конь сей долго переноситъ усталость ; наконецъ и онъ падаетъ изнеможенный. Надлежало случиться, чтобы посреди лѣса, котораго густой мракъ освѣщается одними лишь огнями разсѣянной въ разныхъ мѣстахъ воинской спражи и сверкающими сигналами окружающаго ее неприятеля, — надлежало случиться, чтобы именно здѣсь одинъ изъ великихъ міра, обезсилъ въ опъ усталости, отдыхалъ, на голой землѣ простертый. Епо ли тѣ лавры и пощъ одръ покоя, за которые народы сражаются, истребляють одинъ другаго ?

Монарха кладутъ у корня дикаго дерева ; онъ изнемогъ опъ битвы и опъ послѣдшаго бѣгства ; язвы его болѣзненны, члены окостенѣли ; ночь была мрачная и холодная ; лихорадочная дрожь не даетъ вкусить мгновенную сладость покоя. Но Карлъ переноситъ бѣду свою съ царскаго твердо-

спію. Въ крайнемъ злосчастіи онѣ умѣетъ преодолѣвать мучительную боль, умѣетъ заспаивать ее безмолвствовать: онѣ господствуетъ надъ собою, какъ прежде господствовалъ надъ націями.

III.

Полководцы его при немъ увы! столько немногіе, съ той поры какъ онѣ бѣдствія одного лишь дня число ихъ весьма уменьшилось! По крайней мѣрѣ они умерли славно, какъ храбрые, какъ рыцари. Пережившіе ихъ, нынѣ печальные и безмолвные, простерты лежатъ подлѣ Государя и близь вѣрныхъ коней своихъ: опасность дѣлаетъ равными человека и животное — поварицей въ несчастіи. Въ числѣ ихъ Мазепа, Гетманъ Украины, воинъ хладнокровный и мужественный, готовитъ поспешно себя подъ древнимъ дубомъ; самъ онѣ столько же крѣпокъ и почти столько же старъ, какъ сей царь дубравы; но козачій предводитель, хотя изнемогшій силами онѣ понесенныхъ прудовъ, не забылъ о вѣрномъ конѣ своемъ: чиститъ его, стелетъ подъ него листья, ласкаетъ его знакомымъ прикосновеніемъ длани къ бедру и къ гривѣ, опускаетъ ремни, вынимаетъ удила. Съ радостию видя, что конь его началъ щипать свѣжую зелень, боявшійся прежде, чтобы упомянутое животное не отказалось онѣ корма,

омоченнаго росою ночи. Но конь былъ крѣпокъ сполько же, какъ и господинъ его; былъ сполько же неразборчивъ касательно пищи и крова. Быспрый какъ въпервъ, гордый и вмѣспѣ послушный, онъ исполнялъ все желанія своего всадника; вскормленный подобно конямъ Татарскимъ, онъ понималъ голосъ его, и среди толпы людей узнавалъ своего повелителя; въ темную ночь, когда все небо закрыто облаками, онъ заката солнца, до восхода, онъ готовъ ходить по слѣдамъ своего всадника, какъ боязливая лань, крошко и смирно.

IV.

Послѣ уже Мазепа о себѣ самомъ помышляетъ: спелетъ на землѣ епавчу, спавитъ копье къ спволу дуба; осматриваетъ, въ исправности ли оружіе, наполнена ли заправка веществомъ огнеспрѣльнымъ; прикрѣпляетъ кремень въ куркъ ослабѣвши; въ послѣдній разъ окинувши взглядомъ черенъ и ножны своей сабли, онъ достаептъ изъ походной сумы пищу, приглашаетъ Короля и другихъ въ оваричей принять участіе въ умѣренной своей трапезѣ — будучи весьма далекъ отъ того замѣшательства, въ какомъ иногда находятся дворскіе вельможи при великолѣпномъ пиршествѣ. Карлъ съ улыбкою принимаетъ его приглашеніе, принужденно спараясь казань-

ся веселымъ , неунывающимъ ни отъ ранъ,
ни отъ жестокихъ неудачъ своихъ.

„Мазепа!“ говоритъ Государь: „въ мои
войны, я уверяю, подобно тебѣ мужествен-
ные и отважные, могутъ хвалиться, что
не опистали отъ тебя своими подвигами во
многихъ сшибкахъ, въ быспромѣ походѣ,
на челъ опряда фуражировъ; но я долженъ
признаться, что современъ Македонскаго
героя небыло въ мирѣ такой прекрасной,
такъ хорошо составленной пары; какъ
ты съ своимъ Буцефаломъ. Весь блескъ
славы Скиѣскихъ всадниковъ помрачается
передъ лучезарнымъ сіяніемъ твоей славы;
всякой признается въ епомѣ, кто только
видалъ, какъ ты на конѣ своемъ скачешь
черезъ поля и рѣки.“

— Да будетъ проклята школа, въ
которой учился я на конѣ ѣздить! — ска-
залъ Мазепа.

„Почему же такъ,“ возразилъ Карлъ
„когда ты сдѣлался такимъ искуснымъ на-
ѣздикомъ?“

— Ахъ! отвѣчалъ Гетманъ: теперъ
долго было бы рассказывать, а намъ ослаеи-
ся скакать еще не одну милю, и не одинъ
еще разъ достанется обнажать саблю,
прежде нежели конямъ нашимъ будетъ мо-

жно щипать праву Днѣпровскаго берега — не смотря что неприятель вдесятеро насъ сильнѣе. Государь! вамъ нуженъ отдыхъ; я спану на спражѣ при вашемъ войскѣ. —

„Нѣтъ!“ отвѣчалъ Король: „я хочу слышать твою исторію. Почему знаешь? можешь быть она подаритъ меня сномъ, котораго глаза мои напрасно ищутъ!“

V.

„Очень хорошо, Государь!“ продолжалъ Мазепа: „въ ожиданіи сего, я попытаюсь разбудить свою семидесяти-лѣтнюю память. Мнѣ было, кажется, двадцать лѣтъ отъ роду; точно такъ, двадцать: въ Польшѣ царствовалъ Казиміръ, и тогда шесть лѣтъ уже прошло, какъ я былъ принятъ въ число его пажей. Янъ Казиміръ былъ Государь ученый, и на васъ непохожъ ни сколько: не любилъ войны; непокорялъ государствъ, чтобы послѣ шерять ихъ; царствовалъ въ самой спокойной праздности, несмотря на шумныя пренія Варшавскаго Сейма. Недумайте однакожъ, чтобы и онъ неимѣлъ заботъ своихъ: Казиміръ любилъ Музъ и красавицъ; наскучивши пѣмми и другими, иногда жалѣлъ онъ, для чего находится не въ лагерь; но душа въ немъ прояснялась по прежнему, и онъ обращался къ новой красавицѣ, или брался за по-

вую книгу. Спраспью его были роскошные пирь и праздники ; вся Варшава стекалась удивляться в ликолъпю двора его, драгоценнымь уборамь его дамь и знаменитымь одеждамь его придворныхь. Казимирь былъ Медицисъ Гольши : такь вельчали его всь поешы , кромь шолько одного , которой , не получивши пенсїи , сочинилъ сапїру и хваснался пѣмь , что онь льснитъ не охотникь и неумѣетъ. Дворь Казимира , однимь словомь , былъ всегдашнимь зрѣлицемь праздниковь и каруселей ; всь придворные писали вирши ; самь я вздумалъ пушпиться въ спихотворство , и подь своими елегїями подписывался *несчастнымь Турисомь*.

VI.

Тамь жилъ одинь Воевода , попомокь древней и знаменитой фамиліи ; богатый , какь рудникь соли (*), или дорогаго мешалла ; высокоумѣрный даже до невѣроятности , почво какь бы онь вышелъ изъ мозгу самаго Юпитера. Его знапность была такава , и обладаемья имь сокровища были такь велики , что немногіе вельможи могли съ нимь равняться. Спраспно любилъ онь разсмапривать свои драгоценности , перебирапть

(*) Сравненїе можетъ быть извинительное для жишеля Польши , коея главное богатство состоитъ въ рудникахъ соли. *Сочи*

свои древнія харшii, что наконецъ поше-
рляв голову и увѣрился, будто все ихъ до-
стоинство состоить въ томъ, что они
принадлежатъ знаме ишой его особѣ.

Жена его имѣла совсѣмъ другія мысли;
будучи моложе своего супруга цѣлыми прид-
цашью годами, она со дня на день болѣе
чувствовала всю тяжесть власти его надъ
собою. Тайныя желанія смѣнялись надежда-
ми; за ними слѣдовали опасенія и... прощаль-
ныя слезы въ дань добродѣтели: потомъ со-
блазнительныя взгляды Варшавскихъ въп-
ренниковъ, серенады, вечерніе панцы мало
по малу довели красавицу до того опаснаго
пункта, при которомъ самыя холодныя
сердца гоповы бывающъ смягчаться. . . .

VII.

Въ это время я былъ пажемъ и па-
жемъ весьма недурнымъ собою: въ семде-
сять лѣтъ, думаю, позволятъ мнѣ ска-
зать опкровенно, что въ весну моей
жизни немного было взрослыхъ людей и
молодыхъ въпренныхъ, благородныхъ и
неблагородныхъ, которые могли бы поспо-
ришь со мною въ искусствѣ нравиться. Я
былъ здоровъ, свѣжъ, веселъ; лицо имѣлъ
я совсѣмъ не то, какимъ вы его теперь
видите: тогда было оно споль же прелесни-
ное, сколько нынѣ кажется угрюмымъ. Вре-

мя, заботы, пруды военные провели морщины на моемъ челѣ и ожесточили мою душу. Ахъ! видѣвшие меня давно, теперь меня бы не узнали. Епа переменна произошла еще за долго прежде, нежели спаросить прикоснулась ко мнѣ хладною своею рукою; ибо, еслибъ сила, мужество и отважность ослабѣли во мнѣ отъ возраста, то я не рассказывалъ бы вамъ своей повѣсти въ поздній часъ ночи, подъ вышвами дуба.

Но я продолжаю: красота Терезы. . . мнѣ кажется, будто въ сію минушу вижу ее идущую мимо кашпановаго дерева — такъ живо ея образъ напечатлѣвъ въ моемъ сердцѣ.

Ненахожу словъ, чѣмъ изобразить вамъ прелестный станъ ея; въ прекрасныхъ черныхъ очахъ ея было нечто Азіатское, какое видимъ въ Полькахъ; живущихъ у предѣловъ Турціи; они сіяли слабымъ блескомъ, какъ первые лучи новаго мѣсяца. . . . Свѣтлое чело ея не рѣдко сравнивалъ я съ поверхностію чистаго озера, позлащаемаго лучами солнца. Ея розовыя щеки, алыя губы. . . Но къ чему распространяться? Я любилъ тогда, еще и теперь люблю ее; любовь, поселившись въ сердцахъ дикихъ, знаетъ однѣ лишь крайности. Сердца сіи любятъ вѣчно, и пѣнь минувшаго слѣдуетъ за Мазецою даже во дни ея спаросши.

VIII.

Я вздохнулъ , увидѣвъ Терезу. . . Тереза непроизнесла ни слова , но она мнѣ опвѣчала : есть тысяча мавов-ннй ; есть тысяча взглядовъ , которые мы видимъ и понимаемъ , но которыхъ опредѣлить не можно. Ето искры мысли произвольной ; искры , вырывающіяся изъ души пламеньющей. . . Вдали оплакивалъ я любовь свою , и робость недозволяла мнѣ приблизиться къ Терезѣ. Наконецъ я былъ ей представленъ ; мы иногда имѣли время занимать-ся разговоромъ , ни въ комъ невозбуждая подозрѣннй. Сколько разъ увлекался я желаннємъ призваться ей въ чувстввахъ моего сердца ! Но слова на шрепещущихъ губахъ моихъ замирали. . .

IX.

Я любилъ и былъ любимъ взаимно. Молва гласилъ , Государь , будпо Ваше Величество никогда не испытали сихъ сладостныхъ ощущеннй сердца. Если ето справедливо , я кончу исторню моихъ спраданий и моихъ удовольствнй : она должна показаться вамъ и несмысленною и безполезнаю ; но не всѣ люди рождены царствовать надъ страстями , какъ царствуете вы надъ нами и надъ народами. Чшо жъ до меня касается , я емь , или лучше , я былъ Генманъ , начальникъ многихъ тысячъ воиновъ ,

копорохъ водилъ къ самымъ ужаснымъ опасностямъ ; но я никогда не могъ похвалиться тѣмъ , что и въ надѣ самимъ собою шакою же власпъ , какою имѣлъ надѣ другими.

X.

Тысячи взоровъ присматриваютъ за любовниками ; тысячи глазъ любопытныхъ замѣчали наши движенія Въ одну прекрасную ночь я попался въ руки наемникамъ , которые должны были схватить меня

Пѣна у рта Воеводы клубилась отъ бѣшенства. Я неимѣлъ при себѣ никакого оружія ; но пустьъ была бы при мнѣ шпага , пушкой былъ бы я вооруженъ съ ногъ до головы : что могъ я сдѣлать противъ силы множества ? Мы находились тогда близъ замка , далеко отъ города и отъ всякой помощи ; только лишь разсвѣтало. „Теперь-то въ послѣдній разъ увижу солнце !“ сказалъ я самъ себѣ : „насталъ послѣдній часъ моей жизни !“ Когда вели меня въ замокъ , я внутренно покаялся во всѣхъ грѣхахъ моихъ и потомъ спокойно ожидалъ своего жребія . Послѣ ничего не могъ я узнать о судьбѣ Терезы ; мы раздѣлены были великимъ проспанствомъ .

Невѣроятный Воевода , какъ можешъ себѣ представитъ , въ принадлежнѣ гнѣва бы-

валъ не очень ласковъ ; здѣсь же онъ имѣлъ справедливую причину воспласть яростию... И я по несчастію испыталъ на себѣ ея дѣйствія!

XI.

»Привести сюда лошадь!« закричалъ Воевода , и лошадь приводящъ. Это былъ благородный конь , рожденный въ Украинѣ , и котораго члены были одарены , шакъ сказаешь , всюю быстротою мысли ; но еще дикій , дикій какъ лань дубравы , пойманный весьма недавно , онъ не испыталъ еще ни дѣйствій бодца , ни удерживающей руки всадника. Сына степей подвели ко мнѣ ; грива на немъ вздымалась ; гордо пропивялся онъ , покрытый пѣною отъ гнѣва и страха. Слуги привязываютъ меня къ хребту его множествомъ узловъ , и хлопнувши бичемъ , пускаютъ на волю животное. . . Мы лезимъ ; горные потоки не споль быстро , не споль спремительны.

XII.

Мы лезимъ ; во мнѣ едва держалось дыханіе. Я немогъ примѣтить , въ какую сторону мчался конь мой , поскакавшій на разсвѣтъ ; послѣдніе звуки человѣческіе , до ушей моихъ достигшіе , были голоса враговъ моихъ , отъ которыхъ я удалялся. Вышрѣ доносилъ до меня шумныя

восклипанія ихъ и свирѣпый хохотъ. Въ припадкѣ неистовой ярости я сдѣлалъ усиліе поворошить голову; веревка, державшая мою шею у гривы лошади, лопнула, и я, нѣсколько приподнявшись, послалъ къ нимъ проклятіе; но при шумномъ шопотѣ коня вѣроятно неслыхали они, или нехотѣли слышать, и мнѣ жаль, что они не получили моей плапы. Сказавъ правду, я воздалъ имъ уже нѣсколько лѣтъ послѣ, когда отъ сего замка, отъ мостовъ подъемныхъ, отъ всѣхъ его укрѣпленій не оспалось ни камня; ни двери, ни рва, ни рогатки. Ниже одного слепля правы не оспалось на поляхъ Воеводы! . . . Можно было нѣсколько разъ пройти мимо бывшей крѣпости, недогадываясь, что на помѣ мѣстѣ находилась нѣкогда крѣпость. Я видѣлъ разрушеніе пылающихъ башенъ и зубцовъ дымящихся; видѣлъ, какъ горячимъ дождемъ падалъ свинецъ съ высоты почернѣвшихъ кровель; копорыхъ и швердосъ не защитила отъ моего мщенія. Жалкіе враги въ день исполненія жестокой казни надомною никакъ не могли думать, что я, какъ бы на лучъ молніи пущенный ими къ смерти, возвращусь нѣкогда съ десятию тысячами Козаковъ поблагодарить Воеводу за доставленную мнѣ случай путешествовать. . . .

XIII.

Я и конь мой лепѣли на крыльяхъ вѣтра, оставляя за собою селенія. Мы разсѣкали воздухъ, подобно шѣмъ мептеорамъ, копорые блеснувъ, мгновенно исчезаютъ, когда молнія съвера пробѣгаетъ по мраку ночи. Ни одного города, ни одного села на пути нашемъ; со всѣхъ сторонъ открывалась неизмѣримая равнина, окруженная чернѣющимъ лѣсомъ; только лишь мелькали зубцы укрѣпленій, нѣкогда сооруженныхъ для защиты отъ набѣговъ Татарскихъ; болѣе никакихъ слѣдовъ присутствія человѣческаго. За годъ прежде войско Опшомановъ прошло сими мѣстами, и гдѣ только ни топтали землю кони Спаговъ, тамъ зелень немогла произрастать на окровавленной почвѣ. Небо было мрачно, сѣраго цвѣта; опазывались печальные стоны глухаго вѣтра: я желалъ бы опвѣстивовать на нихъ вздохомъ; но мы бѣжали такъ быстро, что я не могъ ни вздохнуть, ни произнести молитвы; холодныя капли моего лились на блестящую гриву; конь ускорялъ бѣгъ свой, и ноздри его шумно пряслися отъ гнѣва и боязни. Иногда казалось мнѣ, что стремленіе его становится менѣе быстрымъ; шщечно! шѣло мое было самымъ легкимъ бременемъ для крѣпкихъ чреслъ его, и только лишь служило ему бодцами. При каж-

домъ движеніи моемъ , при каждомъ усилии освободить вспухшіе, спраждушіе мои члены яросшь и спрахъ дѣлались въ немъ сильнѣе. Я пыпался усмирить его своимъ голосомъ , уже ослабѣвшимъ; но каждой звукъ мой заставлялъ его вздрагивать какъ бы при ударѣ бичемъ, и каждой разъ начиналъ онъ прыгать, какъ бы при звукѣ трубы военной. Между шѣмъ узы мои обагрались кровію, шекшею изъ уязвленныхъ членовъ, и горло во мнѣ засохло отъ пламенной жажды.

XIV.

Приближаемся къ лѣсу обширному , котораго края сокрыты были отъ моихъ взоровъ. Тамъ и здѣсь возносились высокія , подобно вѣкамъ старья деревья , которыхъ неподвижные пни устояли бы даже прошиву вѣтровъ , ревущихъ въ пустыняхъ Сибири , все низлагающихъ на пупи своемъ ; но сіи деревья находились не близко одинъ отъ другаго , и юные отпрыски кустами росли между ними. Нѣжныя отпрыски покрыты были всею роскошью зелени весенней ; тогда еще далеко было до шѣхъ осеннихъ вечеровъ, которые, устывая землю мершвыми листьями краснаго цвѣта , дѣлаютъ ее подобною рашному полю , успанному шрупами полсъ сраженія . . . Тупъ было широкое пространство прорубленнаго лѣса, гдѣ изрѣдка

возвышались мрачный каштанъ, крѣпкій дубъ и пирамидальная сосна. Именно шѣмъ былъ я счастливъ, что сіи деревья стояли опдаленными одинъ отъ другаго; ихъ вѣтви легко уступали намъ дорогу и неперзали моихъ членовъ. Еще доставало во мнѣ силы переносить боль ранъ, спянувшихся отъ холода, и узы мои были шакъ крѣпки, что я не боялся паденія. Съ быспрошою вѣтра проскакали мы черезъ лѣсъ, оспавляя за собою и просѣку, и деревья, и волковъ, за нами бѣжавшихъ. Сіи хищные звѣри преслѣдовали насъ съ шюю неупомимосшію, копорая часто доводилъ до изнеможенія и ярость псовъ и рвеніе охотника. Они не оспавили насъ и по восхожденіи солнца. Я замѣшилъ ихъ въ недалнемъ отъ насъ разстояніи, когда лѣсъ озарился лучами дневнаго свѣта, и во всю ночь слышалъ я легкой шелеспъ гибкихъ ногъ ихъ. Если уже должно умереть непременно, ахъ! я желалъ бы лучше съ мечемъ или съ копьемъ въ рукъ погибнуть, но не прежде какъ испребивши многихъ изъ числа сихъ враждебныхъ иварей! Когда конь былъ пуше въ, я желалъ съ крайнимъ неперпніемъ быть у предла бѣга; напрошивъ теперь я недовѣрчалъ уже быспроштъ его и силъ. Тщепная недовѣрчивость! онъ былъ дикой породы, гибокъ подобно козъ горной и мчался гораздо быспрѣе, нежели какъ ситъ падаелъ передъ дверью

земледѣльца . . . Отчасу болѣе разгорячался, приходя въ болѣе ужасъ, онъ сердился, какъ дитя; которому отказали въ его желаніи, и рвался болѣе нежели какъ рвется своенравная женщина, которая вышла изъ себя отъ досады.

XV.

Лѣсъ оспался позади насъ. Солнце доспигло уже половины своего печенія; но воздухъ былъ холоденъ, не смотря на лѣтнюю пору года. Можеть быть и кровь застывала въ моихъ жилахъ: продолжительная боль и самаго храбраго челоука приводить въ уныніе. Тогда не былъ я пѣмъ, чѣмъ кажусь нынѣ; тогда пыкія чувства души моей вырывались наружу, между пѣмъ какъ я не могъ еще опредѣлить имъ причины. Но ярость, ужасъ, спраданіе членовъ изможденныхъ, спужа, голодъ, но спыдъ и опчаяніе, но видѣть себя нагимъ, привязаннымъ къ дикой лошади — не уже ли все это не могло убить истощенное мое пѣло? Покажется ли спраннымъ, что оно изнемогло подъ тяжкимъ бременемъ поликихъ бѣдспвій? Я же происходилъ отъ такого рода, въ которомъ кровь мгновенно волновалась, и котораго ярость унодоблялась бѣшенству змѣи, придавленной ногою пупника неосторожнаго.

Земля бѣжала, небо обращалось кругомъ надо мною. Каждую минуту казалось мнѣ,

будто я падаю; но, ахъ, весьма пуго за-
пянушы были мои узлы. Сердце во мнѣ
спѣснялось; голова моя кружилась; кровь
шо съ удвоенной скоростію билась въ жи-
лахъ, шо вне апно оспанавливалась въ го-
ловѣ моей. Небо казалось мнѣ колесомъ,
безпрестанно вертящимся; деревья шапа-
лись, какъ люди съ непрезвой головою.
Яркость внезапнаго блеска лишила глаза
мой дневнаго свѣта. Никогда умирающій не
спрадаетъ столь жестоко въ послѣднія
минушы своей жизни. Среди нестерпимыхъ
мукъ своихъ я ошупилъ сгущеніе мрака,
копорой опять рѣдѣлъ, и опять сгущался.
Тщешно стараюсь удержатъ свѣтъ при
очахъ моихъ и возбудить оледенѣвшія чув-
ства; я подобенъ былъ несчастному, пре-
терпѣвшему кораблекрушеніе плаващелю,
копорой, несясь на слабой доскѣ къ неизвѣ-
стному берегу, шо поднимается къ верху
волнами, шо совсѣмъ закрывается ими.
Жизнь моя была не что иное, какъ мни-
мой блескъ, въ сомкнутыхъ глазахъ свѣпя-
щійся ночью, когда шѣло наше начинаетъ
распаляться отъ горячки; она, казалось,
уже совсѣмъ угасла; боль спановилась не-
чувствительною; но я ощущалъ въ себѣ нѣ-
копорое неизвясимое смяшеніе, мучитель-
нѣйшее самой боли. Скажу откровенно;
меня пугаетъ подобное состояніе, и я

нехотѣлъ бы снова испытать его въ послѣднія минушы жизни.

XVI.

Вдругъ прихожу въ чувство. Гдѣ я? Ощущаю холодъ; но мысли мои все еще въ безпорядкѣ и шѣло въ одеревянѣлости; съ каждымъ біеніемъ пульса жизнь мало по малу разливается по моимъ жиламъ; какъ вдругъ внезапный испугъ снова бросаетъ меня въ судороги, и густую леденѣющую кровь гонитъ во мнѣ къ самому сердцу. Спрашные звуки раздаются въ ухахъ моихъ; я начинаю видѣть предметы, но весьма неясно и какъ бы сквозь толстую кору кристалла. Казалось, будто слышу плесканіе волнъ; узнаю небо, усыянное звѣздами. Ето была не мечта: конь мой переплываетъ черезъ рѣку, быструю и широкую; мы находимся на срединѣ и направляемъ пупъ свой къ незнакомому, необитаемому берегу. Отъ прикосновенія воды глухая боль прекратилась въ моихъ окостенѣвшихъ членахъ, и благодѣтельная рѣка влила въ нихъ кратковременную силу. Конь мой гордо борется съ волнами, которыя разбивались о широкую грудь его. Достигаемъ скользкаго берега; но я не могъ разсмотрѣть сей пристани спасенія: за мною все было мрачно и ужасно; передъ собою видѣлъ я только мракъ и ужасъ. Сколько ча-

совѣ дня или ночи провелъ я въ сей неизвѣстности, въ мучительномъ ожиданіи — ешаго сказать не могу, ибо едва зналъ я, что живу еще на свѣтѣ.

XVII.

Конь пышается выскочить на берегъ, которой пропивился его усиліямъ. Шерсть и грива на немъ свѣтятся отъ влаги; члены его препешупъ, изъ бедръ поднимается густое облако пара; въ немъ доспаетъ еще сполько силъ, чтобы выбраться на сушу. Необозримая равнина перялась въ мрачной отдаленности; взоръ неможепъ измѣришь ее, какъ неможепъ измѣришь бездны, представляющей намъ въ сонномъ видѣніи. Луна, съ правой стороны восходившая, тамъ и здѣсь открывала мнѣ бѣлованія пространства и острова чернозема, разбросанные группами по мрачной пустынѣ. Но ничего не представлялось такого, что хопя мало походило бы на хижину: ни отдаленнаго, препешущаго блеска, ни свѣпильника гостепрімнаго, ни даже огня блудящаго, которой бы утѣшительнымъ обманомъ обольстилъ мое горе!

XVIII.

Но силы коня моего начали истощаться; онъ шагаль опчасу медленнѣе, и едва

держался на колеблющихся ногахъ своихъ; слабое дѣтя могло бы вессти его за собою. Ахъ! какая была мнѣ въ помѣ польза, что конь поперялъ свою дикость? Меня все еще держали на немъ крѣпкія узы; но еслибъ и свободны были мои члены — что пользы? Я былъ слабѣе изнемогшей лошади. Я захотѣлъ однакожъ употребить возможныя усилія, чтобы разорвать веревки — спянулъ ихъ пѣмъ еще крѣпче, и боль въ членахъ моихъ сдѣлалась нестерпимою. По крайней мѣрѣ я предвидѣлъ близкой конецъ бѣдспвенному нупешествію.

Немногіе лучи, сквозь облака блеснувшіе, означали восхожденіе солнца. Какъ медленно оно появлялось! Я уже думалъ, что день совсѣмъ ненаступитъ послѣ сего перваго свѣта, которымъ мало по малу прогоняюся ночныя пѣни. . .

ХІХ.

Наконецъ солнце появилось на горизонтѣ, и предъ яркими лучами его исчезли пары, носившіеся надъ обширною пустыней. Ахъ! для меня непредставляла она ничего упѣшительнаго: неизмѣримая равнина, или рѣка, или дубрава — для меня все одно и то же. Ни слѣда человеческого, ни слѣда живописныхъ не было примѣнно на сей дикой почвѣ; самой даже

воздухъ былъ пустынный и безгласный. Я неслышалъ ниже одного настькомаго, которое шумѣло бы на зелени, неслышалъ ни одной упренней ппички, которая привѣспивовала бы солнце подѣ кровомъ листьевъ. Конь мой, съ тяжелымъ дыханіемъ, какъ бы незадолго передѣ смертью, еще нѣсколько *верств* (*) пробѣгаемъ: вездѣ пустыня и безмолвіе. Наконецъ послышалось мнѣ ржаніе со стороны чернаго бора; я сперва почелъ было его въпромъ, ревущимъ въ въпяхъ елей; но нѣтъ: спадол лошадей бѣжало къ намъ многочисленной шолою. Я хотѣлъ закричать, но уста мои онѣмѣли. Рѣзвые кони гордо скачущъ, къ намъ приближаясь. Чьи руки управляютъ ихъ браздами? Я видѣлъ тысячу коней, и ни одного всадника! Хвосты ихъ развѣвались по произволу въпра; никогда еще рука человѣческая не прикасалась къ гордой ихъ гривѣ; широкія ихъ ноздри никогда не покрывались уздою; никогда еще удила не обагряли губъ ихъ кровью; ноги ихъ небыли въ оковахъ, и ни шпоры, ни бичь некасались до ихъ бока. Епто кони свободные и дикіе, какъ волны океана, и земля спучипъ, подобно еху грома, подѣ быстрыми ихъ стопами. Они приближа-

(*) Слово, упошребленное самимъ авторомъ.
Рдръ.

ются, и упомянутыя ноги моего коня спавняются живѣе, легче; готовый прыгашъ отъ радости, онъ ошвѣчаетъ имъ слабымъ ржаніемъ, и падаетъ. Еще нѣсколько минути онъ препеншетъ; но зрачки его уже попустили, оледенѣли: онъ неподвиженъ; въ первой и въ послѣдній разъ онъ носилъ на себѣ тяжесть. Онъ издыхаетъ.

XX.

Между тѣмъ спавно пустынныхъ его браньевъ приближилось; оно олышало послѣдній вздохъ его. Живописныя сѣи, казалось, съ изумленіемъ смотрѣли на челоѣка, копорой окровавленными узами привязанъ былъ къ ихъ товарищу. Оспававляются. . . препеншутъ. . . дышатъ спокойно, нѣсколько минути скачутъ въ ту и въ другую сторону; приближаются снова, опступаютъ, озираются на всѣ стороны. И вдругъ, въ слѣдъ за своимъ предводителемъ, копората гебенная шерсть не песприлась ниже однимъ бѣлымъ пятномъ или полосой, всѣ прыгаютъ, опскакиваютъ прочь, пускаютъ изъ ноздрей своихъ пѣну, и быстро удаляются въ лѣсъ, естественнымъ побужденіемъ испуганные при видѣ челоѣка.

Я остался въ отчаяніи, привязанный къ труну несчастнаго товарища; ахъ!

по крайней мѣрѣ онѣ уже болѣе нечувствительны по причине своей тяжести, которая была причиною его смерти, и опѣ которой самъ я желалъ бы его избавить. Мы оба лежали на землѣ неподвижные, умирающій на умершемъ. Никакъ не могъ я думать, чтобы мое бѣдное тѣло, подѣ открытымъ небомъ, неимѣя при себѣ ничего, кромѣ шрупа, могло дожить до слѣдующаго дня.

XXI.

Съ утра до сумерекъ я оставался въ семъ печальномъ состояніи, и въ горести моей считалъ часы пекущаго времени. Именно сполко еще оставалось во мнѣ жизни, чтобы видѣть захожденіе солнца, которое, думалъ я, въ послѣдній разѣ меня освѣщало... Оно садилось, а я неимѣлъ ни малѣйшей надежды; былъ увѣренъ, что праху моему суждено смѣшаться съ хладными ошашками шрупа, къ которому я привязанъ. Въ послѣдній разѣ обративъ спускающіе взоры свои къ небу, между солнцемъ и мною замѣтилъ я ворона, съ неперпнѣемъ ожидающаго благоприятной поры, дабы начать плошодную свою работу. Онѣ леталъ надъ нами, садился въ ближнемъ разстояніи, снова поднимался. При сумракѣ вечера я видѣлъ распрощенныя надъ моею головою крылья хищной птицы, и она въ такомъ близкомъ разстояніи онѣ

меня находилась, что я могъ бы ударить ее, когда бы имѣлъ силу и возможность; но слабое движеніе руки моей, слегка брошенный песокъ, умирающіе звуки, едва похожіе на голосъ человѣческій и съ усиленіемъ выходившіе изъ моей горшани — все это вмѣстѣ нѣсколько пугало ворона, и претило ему до насъ допронуться.

Что случилось послѣ, мнѣ неизвѣстно: едва лишь могу себя припомнить, какъ бы во свѣтъ видѣнную звѣзду, приятно для глазъ моихъ сіявшую вдали пренецивающимъ блескомъ; помню также ощущеніе холода, скорбное и смященное возвращеніе отъ безмятежствъ къ чувству; слѣдовавшую за тѣмъ пищу сурь; легкое дуновеніе, которое меня снова оживило; минувшее ощущеніе опрады, давленіе ледянаго бремени въ моей груди, озареніе очей моихъ какими-то искрами свѣта, болѣзненное дыханіе, скорое бѣненіе сердца, внезапную дрожь, вздохъ — и шолько.

XXII.

Пробуждаюсь... Гдѣ я?... Въ самомъ ли дѣлѣ человѣческое лице на меня смотритъ?... Точно ли нахожусь подъ кровомъ хижины?... почно ли на мягкомъ ложѣ покоятся мои члены?... Не уже ли взоръ смерднаго устремленъ на меня съ такою благо-

дѣпельною кротосію? . . . И я закрываю вѣжды въ недоумѣніи, прекрапились ли, еще ли продолжаются мои спрашныя ожиданія.

Молодая дѣвушка спонкаго спана, сбъ распущенными волосами, разматривала меня, опершись на спѣву хижины. Пришедъ въ себя, я былъ пораженъ блескомъ и живосію черныхъ, нѣсколько дикихъ очей ея, на мои успремленныхъ. И я, въ свою очередь, вперилъ въ нее взоръ свой, желая увѣришься, не призракъ ли вижу передъ собою, и живу ли еще на свѣтѣ. Юная козачка улыбулась, увидѣвъ, что поднялись тяжелыя мои вѣжды. Я хотѣлъ говорить; языкъ не повиновался моей волѣ. Дѣвушка приблизилась, и приложивъ перспѣ къ губамъ своимъ, дала знашь, чтобы я хранилъ молчаніе, пока возспановленные силы недозволяшъ мнѣ извѣсняшься; попомъ она положила руку свою на мои руки, приподняла изголовье подо мною, опошла отъ меня на концахъ пальцевъ, шихо отворила дверь, произнесла какія-то слова въ полголоса. Опвѣпа не было. Дѣвушка вышла изъ комнаты, напередъ еще сдѣлавши знакъ рукою и ласковымъ взглядомъ, какъ бы давая разумъшь, что я ничего не долженъ бояшся, что все здѣсь готово къ моимъ услугамъ и что она скоро возвратишся. Горько мнѣ было оставашся одному.

XXIII.

Она возвратилась назадъ съ отцемъ своимъ и съ матерью . . . Чтѣ еще спану вамъ рассказывать? Надобно ли упомянутьъ вѣсь повѣспію о приключеніяхъ моихъ между Козаками? Люди сіи нашли меня лежащаго безъ чувствъ на чистомъ полѣ, перенесли въ ближнюю хижину и возвратили жизнь тому, кто послѣ долженъ былъ сдѣлаться ихъ повелителемъ.

Вотъ какъ сердитый старикъ, думая совершить надо мною самую любую казнь, думая упоилить ею жажду своего мщенія, пустилъ меня связаннаго, нагаго, окровавленнаго! Могъ ли предвидѣть онъ, что указалъ мнѣ путь къ булавъ Гепманской? . . . Кто изъ смертныхъ угадаетъ будущую судьбу свою? . . . Неспанемъ же опчаяваться! Очень возможное дѣло, что завпра же кони наши спокойно будутъ щипать зелень на берегу Днѣпра въ предѣлахъ Опшоманской Поршы. . . Ахъ, какъ я порадуюсь, когда увижу воды Бориспена служащими преградою намъ прошиву неприятеля! Товарищи! желаю вамъ спокойной ночи.“

И Гепманъ уснулъ подъ вѣтвями дуба, на посланныхъ листьяхъ. Постеля не показалась ему ни жесткою, ни новою; мало нужды ему было до мѣсна, до вре-

мени, когда сонъ покорялъ его своей власпи. Мазепа спитъ... Удивляесться, какимъ образомъ Карлъ XII забылъ извѣстить благодарности Гепману за его повѣсть? Но Мазепа не имѣлъ никакой причины шому удивляться... Преданіе гласитъ, что Король уже давно спалъ, и слѣдственно не могъ слышать конца новѣсти.

Съ Фр. К.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

П у т н и к ъ.

Когда дождусь конца бѣдамъ?
Въ слезахъ взываетъ пупникъ бѣдный
Ко всемогущимъ Небесамъ:
Когда сыщу покой душевный?
Когда сойду въ страну ошцовъ,
Объпованную богами,
Подъ тихой, безмятежной кровью,
Просиясь съ мірскими суешами?

*

Прощекъ я бурный океанъ,
Извѣдалъ справы опдаленны:
Вездѣ я видѣлъ зло, обманъ,
Кумиры, лесни по выщелны;
И видѣлъ штысячи людей,

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ,

СОСТАВЛЯЕМЫЙ

Михаиломъ Каченоескимъ.

Ч А С Т Ъ СХVI.

М О С К В А.

Въ Унивѣрситетской Типографіи,

1 8 2 1.

О Г Л А В Л Е Н І Е
СТО ШЕСТНАДЦАТОЙ ЧАСТИ.

Страр.

I. ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

П Р О З А.

Мазепа. - - - - -	3
Алмазы. (Окончаніе.) - -	85 и 167

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Путникъ. - - - - -	32
Епиграмма. - - - - -	35
Посланіе ко мнѣ отъ К. Вяземскаго.	98
Гермина. - - - - -	106
Красавица. - - - - -	108
Болѣзни живописныхъ. - -	181
Къ Н. р. ву. - - - - -	186
Г. А. Г. В — ну. - - - - -	188
На день рожденія первенца моего, шести - лѣтней дочери. - -	191
Епиграмма. - - - - -	192
Подражаніе 28 му Псалму. - -	247
Старець. - - - - -	252

II. ИЗЯЩНЫЯ ИСКУССТВА, НАУКИ и
ЛИТЕРАТУРА.

О безпри страстіи историка и о томъ,
въ чемъ именно сосшоишь занима-